

Татьяна Тетс
Интервью
Рига
Латвия
Интервьюер: Элла Левицкая
Дата интервью: август 2005

Сегодня 2005 года, город Рига. Латвия. Я, Элла Левицкая, провожу интервью с Татьяной Тетс.

Это рассказ о вашей семье, о тех поколениях семьи, которых вы сами помните, или, может быть, не сами видели – бабушках, дедушках. Может быть, вы просто знаете о них из рассказов. Довоенная ваша жизнь, и Холокост, и до настоящего времени. Вы знали ваших бабушку и дедушку со стороны?..

Знала бабушку, мать моей мамы. Она из Екапилса, и погибла во время войны, во время Холокоста. Зовут ее Фаня Шрейберг. С ней вместе погибли мои дядя, тетя и вся семья. И мои двоюродные сестры, в этом же Екапилсе. Дядя имел аптеку там. И очень хорошо относился к местному населению. Не надо это?

Надо.

Хорошо относился к местному населению. Но тем не менее, они ворвались в аптеку, и их всех расстреляли.

Расстреляли латыши или немцы?

Латыши.

Как дедушку звали, знаете?

Знаю. Хирш. Дедушка умер молодым раньше, его я не знаю.

Когда умер, до вашего рождения?

В 1913 году.

Знаете, чем дедушка занимался?

В Екапилсе?

Да.

Дедушка имел склады. У него было 3 сына. Один жил после войны, в советское время, в Москве. Профессор Шрейберг.

Если помните имена, называйте, пожалуйста.

Лев Григорьевич.

Профессор, в какой области науки?

Он пульманолог, легкие. Другой сын был Федор Григорьевич, тоже врач.

А вы их еврейских имен не знаете?

Федора?

Да.

Ну, они по документам были так.

Бывало же такое, что детям давали и светские имена, и еврейские.

Но по документам было так, но Федор – это Файвиш по-еврейски. А по документам он был Федор.

Он был...

Врач, тоже Шрейберг. Дерматолог, кожник. После войны приехал в Ригу, и умер в Риге. Похоронен здесь на кладбище. А другой сын, младший...

Третий сын.

Да, третий сын, во время советской власти, в начале советской власти был сослан в Сибирь.

С семьей?

Да.

А почему? Они были богатыми?

Он еще был студентом.

Наверное, за вольнодумство?

Да. Вот это вся эта семья.

А ваша мама?

Мама моя стоматолог.

Как маму звали?

Елена. Хинда по-еврейски.

В каком году мама родилась?

В 1988 году.

1800?

В 1888 году. Училась в тартуском университете, стоматолог. До войны жила в Риге, и работала в Риге. Во время войны мама эвакуировалась, вся семья: мама, папа, брат и я, и вся семья была в армии, в советской армии.

Вы не знаете, еще до войны, даже до вашего рождения, немного еще о мамином детстве и юности. Семья была религиозной? Бабушка и дедушка?

Они были традиционные, но чтоб они очень, знаете... Придерживались традиций.

Еврейские традиции соблюдали?

Безусловно.

Тогда это было принято?

Да, наверное. Да. Придерживались традиций, отмечали все праздники, ели кошер. Все это было как надо.

Екапилс был еврейским городом? Там много евреев было?

Евреев было много, и осталось наверное 2 семьи, не больше.

Все были уничтожены в Холокосте?

Да. Вот в это воскресенье, что будет, едет из ЛОЕКа автобус на места захоронения, вот это Екапилс и Резекне, это были еврейские города. Екапилс, Резекне и Даугавпилс.

В Резекне я была. А 7 числа я никак не попадаю.

А я не могу, к сожалению, из-за радикулита.

Там были синагоги, да?

Была синагога, была еврейская школа основная.

Еврейская школа общеобразовательная?

Да.

Хедер наверняка был?

Я не знаю. Я туда только приезжала в гости к бабушке 2 раза в год.

Бабушка жила?..

С тетей вместе. С маминой сестрой.

У мамы еще сестра была? Расскажите.

Ида. Это она была жена аптекаря, я вам говорила?

Да.

Ида Фрейдус, она по мужу Фрейдус. Аптекарь был Илья Фрейдус, это ее муж.

Дети были у них?

Были. Глика – это младшая дочка, она погибла вместе, они и бабушка, все они в этом лесу в Екапилсе были расстреляны. А старшая дочь Сара, она училась в Риге в университете, вышла замуж. И мы вместе все выехали. Сара Кадашевич ее фамилия, и вместе с семьей Кадашевич она выехала в эвакуацию. Вначале в Среднюю Азию, а потом где-то там, не знаю, в Кемеровской области, что ли. А умерла она в Израиле.

Мамины братья все были женаты?

Да.

И дети были?

Да.

Они были женаты на еврейках?

На еврейках.

Тогда было принято?...

Не знаю, как было принято, но они все на еврейках женились. У Левы жена была из Лудзы, Раиса, Рася, из Лудзы. А у Федора жена была Минна, он с ней познакомился в армии. Она из Саратова, фармацевт сама. А Рася была переводчица.

Они все работали, жены?

В Москве все работали. Все жили в Москве.

Дети были? У Федора?

Да, у Левы сын Григорий, кандидат наук, медицина. Все по медицине.

Это у вас семейное?

Да.

И вы тоже?

Я нет. Боря медик, а дочка Элина – педагог английского языка. Григорий умер 2 года тому назад в Москве, а Элина уехала в Америку, и там умерла.

А у Федора?

У Федора сын был музыкант. Владимир звали его, тоже умер недавно.

А у младшего не было семьи, у того, который был сослан, расстрелян?

Нет, не было.

А ваша мама до университета получила гимназическое образование?

Конечно. Она окончила среднюю школу, гимназию. Потом уехала в Тарту, училась, оттуда приехала и жила в Риге. Работала в Риге зубным врачом, стоматологом.

На каком языке говорили в семье родителей мамы?

На русском. Вообще была многоязычная страна. В основном русский и немецкий, и в отдельных семьях... Идиш тоже, конечно. А по-латышски в семьях не говорили. Но все знали, тут это гуманитарное... Все дети знали три языка.

Общались со сверстниками...

На одном каком-то языке, с кем тебе надо. В основном мое поколение очень много общалось на немецком, потому что это поколение училось в школах еврейских с немецким языком обучения. Тут были такие школы, еврейские школы с немецким языком обучения. А потом, когда в 1934 году к власти пришел Ульманис, эти школы ликвидировали, и они стали государственные. Тут была русская, на немецком была, но как-то... потом немножко и русская была, я уже не помню точно, но в основном латышская.

А о семье отца что вы знаете?

Семья у отца интересная. В Лиепаве, очень древняя семья, потому что мой отец 1879 года рождения.

Как его звали?

Иосиф. Иосиф Самуилович.

Тетс – это ваша фамилия в замужестве?

Да.

А девичья?

Я в замужестве так и осталась на этой фамилии. Что я еще могу сказать?

О дедушке и бабушке.

Я их меньше знаю. Они жили в Лиепаве.

Иосиф Самуилович – ваш отец. А дедушка – Самуил, соответственно?

Самуил. Но там была очень большая семья, всех пересчитать я не могу. Я знаю, что очень многие жили в России. А одна тетя Ида жила в Риге. Тетя Ида жила в Риге, она с моей мамой вместе училась в тартуском университете, тоже стоматолог. И жила в Риге, была замужем. Ида Вольпе ее фамилия по мужу. Ее муж был тоже врач в Риге здесь. Он погиб в гетто. И Ида тоже погибла в гетто. Тетя Ида в гетто погибла.

У вас так всю семью выкосило...

Да. А вот сын их Михаил был в советской армии. Инвалидом стал, жил в Москве. Потом он уехал в Америку, а его сестра Маргарита, она скульптор, и училась до войны в Бельгии. И там она застряла, и война ее там застала. Там она жила, потом переехала в Америку, и там умерла. Очень богато жила, хорошо жила.

А ваш отец... То есть, семья ваших дедушки и бабушки по отцу тоже была традиционной, да?

Я думаю, да. Все были традиционные. У нас дома мезуза была, висела. Я думаю, что это было воспитание семьи, и это перешло на другое поколение. Так что это было все, да.

О детстве и юности отца вы что-то знаете?

Да.

Расскажите, пожалуйста.

О юности. Он учился в Ленинграде, в Санкт-Петербурге. Учился в военно-медицинской академии. Он фармацевт. Кончил... Провизор. Работал после, тоже вернулся сюда.

Сюда – в Ригу?

В Ригу. Видите, его сестра Ида училась с мамой вместе. Вот так они познакомились. И дружили всю жизнь.

Мама с Идой?

Да. И были большие-большие друзья.

В каком году поженились родители?

Ну, наверное, в 1913 году. Потому что у меня брат, мой брат, он родился в 1914 году, Григорий. Ну вот...

Может быть, вы знаете, у родителей была традиционная свадьба?

Наверное. Точно, потому что мне нужен был какой-то документ, и я нашла документ о браке от раввина. Значит, была еврейская свадьба.

Все как положено.

Ну, может быть, небольшая свадьба. Но где-то там регистрировали, наверное, в раввинате Екапилса.

То есть, они поженились в Екапилсе?

Видимо, да. Я думаю, так.

А когда они в Ригу переехали?

Я знаю, что после окончания университета в Тарту они переехали сразу в Ригу. То есть, они в Риге жили давно, с 1914 года.

То есть, ваш брат родился в Риге?

В Риге.

А кто был следующим? Много было детей?

Нет, это я потом была.

Татьяна...

Да.

А еврейское имя было у вас?

Еврейское имя? Вообще еврейское имя, это по бабушке, наверное. Таубе. Но в документах я везде Татьяна.

Таубе – это папина мама?

Папина мама.

Вы говорите – по бабушке. Она умерла до вашего рождения?

Да. Давным-давно. Это все очень старые люди. Наверное, 1779... Даже не знаю, наверное, в 1779 году мой отец родился?

Нет, этого не может быть. Это ему к вашему рождению было бы... А в каком году вы родились?

Ну, как вам сказать... По документам – в 1924, а фактически в 1926. Пишите так или так.

Расскажите, почему так?

Во время войны...

Отцу было 36 лет, когда вы родились. Просто старше он вряд ли мог быть, правда?

Да.

А как получилось, что у вас две даты рождения?

Это во время войны. Мы были в армии... Теперь уже можно говорить. В госпитале все, мой брат был в госпитале, он юрист, это я вам говорила?

Нет.

Григорий юрист. И мы эвакуировались.

Как это было?

Эвакуировались, бежали просто. Бежали, и в тот день на улице Мариас, напротив вокзала из окон кидали бутылки с зажигательной смесью. Кто выжил – тот выжил, это было, как повезет.

Латыши?

Да, латыши. Тогда немцев тут еще не было, это было 28 июня 1941 года. ну, вот. Мы прибыли в Среднюю Азию. Сами, так это получилось...

Это не организованная эвакуация была?

Нет. Мой отец не хотел, где холодно. Он любил тепло, и я люблю тепло. Значит, решили... Мы через Куйбышев ехали, и в то время – теплушка на Среднюю Азию. Кто бежит туда, кто бежит сюда – как попало. И вот, мы сели в этот вагончик, который привез нас в Узбекистан. Попали в Узбекистан, под Ташкентом город Янгиюль такой, Кауфманская станция, Янгиюль. И там организовали... И туда же прибыл госпиталь из Москвы, из Серпухова. Так как у меня в семье врачи были, а брат владел языками, он там работал учителем, в этой деревне, в Средней Азии. А мама и папа сразу через военкомат попали в этот госпиталь. Там они работали. Я там училась в школе, в узбекской школе. А когда госпиталь эвакуировался... То есть, не эвакуировался, а формировался 3й Украинский фронт, родители мои туда попали. Я не могла остаться, и я пошла санитаркой. Такой возраст не принимают. И там уже...

Еще немножко давайте поговорим, еще до эвакуации, о вашем детстве. Где родители жили в Риге?

Где жили? Жили на Авоту, улица Авоту в Риге.

Это была арендованная квартира?

Съемная. Это была арендная квартира, хорошая квартира, чистенькая. Моя мама еще дома принимала.

У нее был кабинет дома?

Да, да. И работала здесь, как это называется... Больничная касса. И работала еще в Обществе русских врачей. Все евреи, кстати, работали в таком объединении, Обществе русских врачей. В основном евреи там были, очень знаменитые врачи все были. Очень хорошие врачи. Так что она там работала.

Это Общество русских врачей, о котором вы говорите – что это было? это больница была?

Не больница, типа поликлиники. Амбулаторная. Ну, что, я училась в школе...

А отец?

Отец работал в аптеке одной.

Фармацевтом?

Да.

Вы говорили, у вас дома соблюдались еврейские традиции, и мезуза висела, да?

Да, соблюдали. Традиции какие – вот Пасха, скажем. Кошер делали всегда.

Кошер дома был?

Был дома кошер. Пасха, большие седеры были.

Папа сам проводил?

Да, и приглашали друзей и родственников всяких. Потом мой папа на Рош-Ашана и на Йом-Кипур ходил в синагогу. Вот это я помню.

Вот в эти два праздника?

А может, еще ходил, я не помню остальные. Очень много всяких пожертвований было. Приходили евреи, и для Палестины здесь на месте жертвоприношения всякие давали. Это было в 1939 году, в Латвию прибыла целая группа евреев из Австрии и Германии, которые бежали от Гитлера. И у нас дома, как и у многих других, их кормили обедами. Они приходили, они жили, кстати, недалеко от нас. К нам приходили обедать. Но наша семья была не единственной, очень много было еврейских семей, которые на благотворительность давали деньги. Все это было очень хорошо организовано.

Это через общину шло?

Ну, наверное, я не знаю.

А вообще вы знаете, была большая еврейская община в Риге?

Да, огромная. Вот это здание ЛОЕКа, это был еврейский театр. Тут был большой еврейский театр, с очень хорошими артистами. Там устраивали студенческие вечера, балы. Было много еврейских студентов, было много еврейских обществ, еврейских студенческих обществ. Самые разнообразные, это в музее можно посмотреть. Были балы, были лотереи. Все было на очень высоком уровне.

Много было синагог в Риге?

Синагоги были, вот которая сгорела, на Гоголя большая, на Стабу туда дальше. И были маленькие миньян, такие молитвенные дома. Вот эти были. Но я подробно не могу вам рассказать, но я знаю, что они были.

Ваш брат старше вас...

Да.

Он получил религиозное образование еврейское?

Он знал хорошо иврит.

Значит, где-то учился.

Я думаю, что наверное. Бармицву отмечали. Я это знаю со слов. И вообще в Латвии всем евреям отмечали, еврейским мальчикам Бармицву, в 13 лет.

Независимо от того, была ли это интеллигенция...

Я говорю про круг наших знакомых.

То есть, среди интеллигенции это тоже было?

В основном. А там я помню, были все традиции. Безусловно, и в провинции – безусловно.

А на каком языке дома разговаривали?

По-русски и по-немецки. Кто по идиш. Кто приходит, с каким языком – так и говорят.

А между собой в семье?

По-русски.

А вы знали идиш?

Я идиш знала, я понимала идиш. Но мне не с кем было особенно общаться. Но во время эвакуации, там была одна женщина, рижанка... Это плохой немецкий, идиш. И тоже она говорила по-русски, на идиш мало говорили.

Таня, а среди ваших друзей детства были еврейские дети?

Еврейские. Были и латыши, были немцы.

То есть, не обязательно было...

Да.

Вы говорили о школе.

Я первые два года в школе и в детском садике, я училась в немецком детском садике.

Вы в детский сад ходили?

Да, так тут было принято. А оттуда у меня такие подружки были, в детстве. А потом это все растаяло.

Мама работала?

Работала. У меня была няня, которая была вторая мама. И эта няня имела детей, и я дружила с этими девочками.

Латышками?

Латышками, да. Я еще и сейчас поддерживаю связь с одной.

А какие детские садики были в то время?

Частные.

Думаю, они были не похожи на детские садики, которые были потом уже?

По-моему, они были одинаковыми. То же самое, с детьми играли, всякие рукоделия были, спортивные игры были. Только я помню, там еще языки изучали. Еще один язык, я не помню, какой... Я скажу – французский.

Вы проводили там целый день?

Нет, с утра до обеда.

А мама работала целый день? И до ее прихода вы были с няней?

Эмма меня привозила и увозила.

Жили вы достаточно обеспеченно?

С большим трудом. Все отдавалось на воспитание детей. Что очень дорого, кстати, стоило, безумно дорого. Но мои родители не были богатыми, не имели дома, и никуда не ехали, никуда не вкладывали деньги, только на воспитание детей.

Вам тяжело говорить об этом?

Да. Я вспоминаю, и слезы сразу. Ну, все.

Вы говорили, вас на лето отвозили... А когда вы в школу пошли? Это была еврейская школа?

Да.

Дети были евреи в основном?

Евреи.

А на каникулы, вы говорили, вас отвозили к бабушке?

Мы ехали все на Пасху к бабушке не 2-3 дня, потом приезжали обратно, потому что все работали.

А летом?

Мы жили на даче.

Вы помните бабушкин дом?

Да.

Можете его описать?

Маленький домик, деревянный домик такой небольшой.

Вы остановились на жизни бабушки.

Это небольшой домик, одноэтажный домик. С одной стороны была аптека этого дяди, а с другой стороны они жили. Это еще домик моего дедушки и бабушки, вот так.

Как вам кажется, в довоенное время, до прихода советской власти, был в Латвии антисемитизм?

Говорят, что в 1934 году, вам, наверное, в Музее говорили, вот когда пришел Ульманис к власти, вот тогда началось. Тогда закрыли школы, закрыли все студенческие организации.

Еврейские?

Еврейские. Все еврейское, и начался настоящий антисемитизм. Настоящий.

На государственном уровне?

На государственном уровне.

А до того?

Вы знаете, я не помню. Но, наверное, он был всегда, когда больше, когда меньше. Наверное, он был.

А на работу до Ульманиса принимали евреев?

До Ульманиса?

Да. Судя по тому, что вы говорили, и студенты были еврейские...

Принимали. Видимо, да.

А при Ульманисе уже стало...

А тогда стало хуже, я знаю. Я не знаю подробностей, но я знаю, что были здесь митинги. Во всех газетах, в музее даже написано.

Они по-латышски, я их не могу прочесть.

Она же могла вам перевести. Вот, тогда был антисемитизм.

Ваша школа уже не осталась еврейской?

Осталась еврейская школа, это частная школа была. Все были частные, и так же она осталась еврейской. Еврейская она была. Но с языком обучения – на русском языке. То есть, уже при советской власти.

А при Ульманисе, до советской власти?

При Ульманисе, я тогда не училась. Он пришел в 1934 году к власти, тогда был немецкий, латышский – вот так все было.

А ваш брат где учился?

Мой брат кончил школу раньше, конечно. Чисто русскую школу. Русско-латышскую. Он хорошо очень говорил по-латышски и по-русски, вот. Он видите, вот такой светлый. А это мой папа, а то моя мама.

Чудесные снимки.

А это моя няня.

Это уже современная фотография?

Это уже после войны, да. А это мой брат в доме отдыха.

С белочкой?

С белочкой.

После школы чем брат занялся? Поступил учиться?

Поступил учиться, а вечерами работал в юридической конторе.

Учился в Риге?

В Риге.

В университете на юрфаке?

Да.

Тогда уже, в 1939 году, вы помните, когда здесь начали делать советские военные базы, еще до присоединения. Что-то в вашей жизни изменилось? И потом, в 1940 году, с приходом советской власти?

До прихода советской власти была вот эта школа, вот это все, что я вам говорила. А с приходом... Конечно, наверное, изменилось. Но школа осталась у меня по-старому.

А жизнь семьи? Родителей не притесняли?

Нет. Они работали как работали. Зубной врач... Я знаю, что при Ульманисе, по-моему, тоже не брали в государственные учреждения. Но как и при советской власти. Я не знаю, вот на это я не могу вам ответить.

А вообще, когда здесь уже стали появляться приезжие из Советского Союза, для вас же, наверное, это все было странно?

Ну, почему. Вначале пришла армия, я помню, танки шли.

По Риге?

Конечно. Когда они впервые вступили, были танки. А потом уже пришли военные. Вот так это все было в 1940 году.

Тогда это проходило мирно? Не было сопротивления?

Мирно, мирно. Очень мирно, даже их встречали с цветами, с розами, и так далее. Вот такую картинку я помню. Хорошо встречали, евреи вообще очень хорошо относились к советской власти всегда.

А на чем основывалось это хорошее отношение? Была какая-то информация?

Потому что евреи в основном с левым уклоном, социал-демократы. И это всегда было. Вы знаете, к кому вы должны были подойти? К Руте Марьяш. Она была у нас последнее время депутатом. Она кое-что должна помнить, она на год, наверное, моложе меня. Но она была депутатом, вот сейчас у нас в Сейме была. Ее папа, вот она выпустила книгу. Неужели вам об этом не говорили в ЛОЕКе? Папа был очень знаменитый человек. Он ослеп в тюрьме, ему пускали свет в глаза, вот так. И она выпустила очень хорошую книгу в память отца, где она все это рассказывает. Она сама юрист, Рута Шац Марьяш. Шац – это ее девичья фамилия. Шац Рута, очень интересная женщина.

Вы помните депортацию, которая была здесь перед самой войной?

Единственное, что я помню, что машины ночью ехали, и многих забирали.

Люди об этом знали?

Я думаю, нет. Наверное, не знали, может, догадывались.

Ваша семья и ваши близкие тогда не пострадали?

Из моей семьи – нет, а из близких – да. Очень много знакомых. Хватали, как попало. Я на тебя наступчу, что ты против советской власти – прочь!

Достаточно было даже доноса?

Да! Вот я знаю один случай. Лудзе такой городок есть. Там были два друга, и один рассказал анекдот. А другой, чтобы выслужиться перед советской властью, взял и рассказал, что тот против советской власти. И его взяли и выслали. Что, вы не знаете, как это делалось?

Да, конечно.

И тут так, всюду одинаково.

Я думала, может быть, здесь это было мягче все.

Нет, все то же самое было. В районах это было, наверное, или более жестко, потому что там друг друга больше знают. Но было, все так было.

Латыши не оказывали сопротивления?

Кому?

Установлению советской власти. Не знаете?

Были демонстрации какие-то, не знаю. Но зато сейчас никто не хочет.

А как вы узнали о начале войны?

Мой брат слушал радио на всех языках. И вот Польша сообщила первой, что до нас дошло, что выбрасывают из окон стариков и детей, младенцев.

Это в 1939 в Польше?

Это тогда было. да. А в 1941 году, вот когда началась война, они повторили эту пленку, все рассказали, как было у них, и как это может быть у других. Он пришел домой, мы все за столом сидели. «Моментально все должны уезжать, мы уезжаем». Это было его решение.

Мудрое решение. Таня, а когда шла война в Польше в 1939 году, я понимаю, вы тогда еще были маленькой. Но в семье же это как-то обсуждалось, ведь Польша очень близко от Латвии. Не было тревоги, что Гитлер может и сюда придти?

Ой, это было, конечно. Во всех газетах еврейских, тогда же были разные газеты, и радио все слушали, были же у нас все станции, и все могли слушать. Конечно, все боялись Гитлера, что за вопрос! Эти люди, беженцы, которые к нам приходили есть, они первые рассказывали, как это было. Так что все все знали. Но надеялись, что немцы не такие звери. Думали, что немцы с евреями всегда дружили, немцы с евреями хорошо, в хороших отношениях были. В ту войну, в первую. Ну, и так остались.

Это, конечно, многих погубило.

Многих погубило. Отсутствие инициативы, и потом многие боялись оставлять свое добро. Вот эти многие погибли. Многих богатых сослали, те остались живы в Сибири. А те, кто остались здесь при немцах – все погибли.

Наверное, рассчитывали на то, что это будет как в Iю мировую войну.

Наверное.

Что будут уничтожать большевиков, а евреев не тронут, средний класс. Я еще забыла спросить, ваш брат в каком-нибудь еврейском студенческом обществе был?

Да, был. Хе-хавер.

А как пишется по-латышски?

Я уже забыла, как писать по-латышски.

Это черновая тетрадка, ее можно черкать, как угодно.

Вот, правильно. И по-русски написала. Хавер – это друг, Хе-хавер.

Это была сионистская организация?

Да. Он был сионистом.

А другие сионистские молодежные организации в Латвии были?

Был Бетар Трумпельдор, были, я даже не знаю их всех названий, Хасмонеа была еще студенческая организация.

Лимувия была?

Да, и Лимувия.

Те же самые, что в Эстонии были?

Да, наверное.

Когда вы уезжали, вы какие-то вещи брали с собой? Тогда ведь советская власть убеждала, что это все ненадолго.

Что мы взяли с собой в маленьком чемоданчике – то и было. Мама взяла с собой полный набор зубо-врачебных инструментов в портфеле, и бросили его в эту теплушку. И благодаря этому мы смогли выжить. Мы были в Ярославской области вначале, и моя мама принимала там колхозников. И они приносили кто огурец, кто кусок хлеба, и они между прочим очень хорошо относились к нам.

Тогда советская пропаганда говорила, что война будет короткой и молниеносной. Вы с собой какие-то теплые вещи брали?

Нет, ничего не взяли. То, что няня принесла мне, не помню. Кофточка была. Кусок сыра, я помню, был. Потому мы и поехали в теплые края, в Среднюю Азию, потому что нечего было надевать. Чтобы не было холодно.

С Ярославской области вы начали?

Были в Ярославской области, село Олонино.

В пути вас не бомбили, благополучно ехали?

Бомбили, еще как бомбили. Задний вагон целиком разбомбили.

Вашего состава?

Да. Этот вагон остался, немножко его поранили, но все же он двинулся с места, в котором мы ехали.

А еда, питье?

На вокзалах где-то останавливались, и был кипяток. У нас был сыр, но тогда никто не думал о еде. Главное – чтобы жить. Жить! Вы понимаете, в такой экстремальной ситуации проявляются у людей какие-то новые чувства – отсутствие голода, нету... Только одна цель – выжить, и уехать от немцев. Потому что то, что немцы творили здесь, мы видели по дороге на вокзал. Это латыши творили это, латыши. А потом уже и немцы, это Холокост был.

Латыши принимали участие в уничтожении евреев?

Да. Они очень хорошие исполнители. Вообще, все, что латыши делают, они делают аккуратно и точно. Так что это все было очень точно и пунктуально.

Какое-то время вы прожили в Олонино.

Жили в Олонино, работали в колхозе. Нас было много там из Риги, очень много людей. собирали лен, я помню, утром бригадир стучит в окно: «Эй, вставайте, идите, лен теревите!». Вот. Мама там работала, все работали. А когда у кого-то зуб заболит – приходили к маме, и она помогала.

А где вы жили там? Вам какое-то жилье выделили?

Они дали. Дали комнатку.

1 кассета 2 сторона

И в этой комнатке жили. Рядом жили другие семьи. Кстати, вот эта женщина, которая мне звонила, ее муж с нами рядом, в другой комнатке жил. И моя двоюродная сестра, эта Сара Кадашевич с мужем тоже там жила. Вот так это было.

Они тоже с вами были?

Да.

В одном составе ехали?

Да. Вместе выехали. А другим, перед отъездом мои мама, брат и папа обзванивали всех. Кто хотел, кто не хотел. Вот моя тетя Ида тут осталась. А ее сын Михаил, он пешком пошел. Молодые ребята шли пешком из Риги. Он шел через Псков, куда-то в ту сторону. А потом он был в армии, и стал инвалидом. На ногах нет пальцев. В общем, все пережили много. Война – это страшная вещь! Особенно, когда это относится, когда воюют неравные силы, воюют против национальности. А не так вот, война за что-то, с кем-то. А тут ни за что – потому, что ты еврей. Всегда убивают, потому что ты еврей.

Если других уничтожали за то, что партизан, коммунист...

Партизан, вот боролись.

А евреев только за то...

Да, и цыган так же.

Два народа, которых уничтожали только за то...

Да, по национальному признаку. Вот так.

А после Олонино?

После Олонино мы попали в Среднюю Азию.

В каком году это было?

В 1942.

А как вы пережили зиму в Олонино?

В 1941 – я уже не помню. Наверное, к зиме 1941 года мы уехали из Олонино. Зимой, и тогда попали в Среднюю Азию.

Таня, легко было выбраться? То есть, возможно было выбраться?

Да. Они даже дали подводу, на лошадах поехали на вокзал. Они нас так хорошо провожали. Там была такая парторг, очень приятная женщина, она всех встречала хлебом-солью. Когда приезжали. А когда уезжали, она провожала каждую подводу в отдельности. В то время были все хорошие. Теперь бы не так было.

И ходили нормально поезда?

Ой, нет! Без расписания, куда ты сел – туда и поехал.

То есть, садились, не зная, куда идет поезд?

Наверное, были и нормальные тоже. Но мы сели – куда попали, туда и поехали. В основном так было. Они не могли ходить нормально – было очень много людей, которых нужно было увозить.

И тоже были теплушки? Нормальных поездов тогда не было?

Нормальный вагон было.

Долго вы ехали?

Долго, я помню.

И опять такой же страшный путь был, с бомбежками, с налетами?

Нет. Из Куйбышева ехали нормально.

Вы из Олонино добрались до Куйбышева?

Да, наверное. И там никакой бомбежки не было.

Где вы осели в Средней Азии? Брат тоже с вами был, да?

Да, был. Где мы осели? В Янгиюле, под Ташкентом.

Какие там были условия, где вы жили, чем занимались?

Жили в глиняных кибитках.

В какой-то семье?

Нет, дали отдельную кибитку, пустые комнаты какие-то. Мазаный глиняный пол. Ну, ничего. А потом родители работали.

Брата не призывали в армию?

Нет. Потом сами добровольно все пошли.

В госпиталь?

Да. Маму с папой призвали, а брат пошел добровольно.

Вы там ходили в школу?

Да.

Было обучение на русском языке?

Да. Обучение на русском языке было. Так, как они сейчас говорят, тогда еще хуже было.

Как к вам относилось местное население? Ведь там была куча эвакуированных, и, наверное, это местным осложняло жизнь?

Куча эвакуированных. Вначале они приносили лепешки, приглашали в гости. А потом эвакуированные им надоели.

То есть, их жизнь, конечно, резко ухудшилась...

Я вам скажу честно, что у нас была своя колония, тех, кто приехал с госпиталем из Серпухова, и мы общались только со своими. Но там мы знали все традиции узбекские. Я и сейчас знаю, как за столом сидеть, как лепешки пекут – все знаю.

А как вы питались? Вы получали карточки?

Питались в госпитальной кухне.

И еда была более или менее?...

Помогали, английская армия помогала. В этом госпитале было очень много поляков, которые воевали, я уже не знаю, кто с кем воевал, но бывшая армия Андерса, была такая армия польская. Присоединили наш госпиталь к тому, чтобы обслуживать военных из этой армии Андерса. Среди них были почти что все евреи. Они были сосланы раньше, потом их освободили, я не знаю подробностей. Но вот они были. И присылали шоколад. Американский или английский, в таких коробочках, на праздники.

Вы же были совсем ребенком. Что вы могли делать в госпитале?

Я работала.

Это же и физически тяжело, и страшно...

Санитаркой. Подать судно, забрать судно, написать письмо кому-нибудь. Посидеть просто, погладить.

Страшно было? Там же раненные, кровь...

Я человек такой, люблю помогать. Вот я там сдавала экзамен на медсестру.

Вы какие-то курсы там кончали?

Курсы были, да. И я работала палатной медсестрой, не операционной. Но это тоже тяжелая работа.

Уколы, процедуры?..

Да. Такие, простые уколы, не внутривенные. И полгоспиталя были таких, как я. Мои подруги сейчас в Москве, а тогда все мы были там. Из Москвы, из Днепропетровска была такая Маруся. В общем, мы все и сейчас перезваниваемся, переписываемся. Вот так это все было.

Таня, когда вы были в эвакуации, вы знали уже тогда о массовых расстрелах людей в Латвии, евреев. Какие-то сведения об этом доходили?

Радио, по радио же передавали.

Передавали?

По советскому радио все передавали. Какой город занят, какой освобожден, какие бои – все было.

То есть, кроме... из семьи отца те, что уехали, все выжили. А из маминой?

Со стороны мамы вот эти Фрейдус – они погибли. Вот этот аптекарь, и тетя Ида. Вот Сара выжила.

Какая-то одежда у вас была, одежда, обувь, хотя бы самое необходимое?

Необходимое вроде было. А потом там шили, нам давали старые простыни, и шили в Средней Азии платье, юбку. Там же было жарко, и там было все проще.

А бытовые условия? Помыться можно было?

В госпитале был душ.

И мыло?

Конечно. В госпитале было все для этих солдат. А заодно уже и мы – заходишь и купаешься.

Таня, я понимаю, что вы были докторским ребенком. Но не было у вас страха перед кровью, перед ранами?

Наоборот, я их жалела. Мне наоборот, хотелось еще больше помочь.

В Янгиуле вы пробыли до конца войны?

Нет. В 1943 году этот госпиталь, вместе с Серпуховским госпиталем был призван в армию. И мы уехали на 3й Украинский фронт. И прошли всю вашу Украину.

Вы были тогда уже фронтовым госпиталем?

Да. Военно-полевой госпиталь.

То есть, это тот госпиталь, куда привозят непосредственно из медсанбата, практически с поля боя?

Да. Медсанбат ближе к армии, а это немножко дальше.

К вам привозили из медсанбата? К ним с поля боя, а к вам – от них?

Да, так было. Мы были: Одесская область, Днепропетровская область, вот так прошли через Украину, и попали через Молдавию, Румыния, Болгария, Венгрия, и кончили войну в Австрии, в городе Грац.

Немножко расскажите об этом времени, если вам не очень тяжело.

Время действительно было очень тяжелое. Очень благородное и страшное. Война есть война, и жаль тех людей, которые положили свои головы.

Вы же оказались практически на линии фронта?

Да. Безусловно, военно-полевой госпиталь.

И это было очень страшно, наверно, для взрослых. А вы были ребенком.

Для всех было страшно, но, может быть, молодые не так понимали даже, как взрослые, как это страшно. Это все очень нелегко, это даже трудно представить себе. Но для молодых это, может быть, даже интересно. Потому что все что-то новое, романтика, все такое. Но это, конечно, все страшно.

А как передвигался госпиталь?

На машинах.

И каждый раз все упаковывали?

Каждый раз складывались и раскладывались. И ехали дальше.

А где базировался госпиталь, когда останавливались?

Сначала в палатках, а потом уже в нормальных зданиях.

Были свободные дома?

Да. В палатках была только сортировочная. Это госпиталь, куда сразу привозят. Потом там сортируют, и в нормальных зданиях.

Сортируют – кого дальше отправлять, кого на месте?...

Кого в какое отделение. И кого дальше.

А вы работали в отделении медсестрой?

В отделении. Да. Моя мама работала стоматологом, а брат был начальником штаба.

В госпитале был свой штаб?

Был. Армия 2952, я вам дам, чтобы вам много не говорить.

Тетс Григорий Иосифович, 1914 года рождения, юрист. Начальник штаба военной части 2959 57й армии 3 украинский фронт. Юрист. Умер в 1984 году. Тетс, урожденная Шрайберг, Дина Григорьевна.

У нее тоже было 2 имени.

В 1888 год, Екавпилс. До и после войны жила в Риге. Во время войны зубной врач в полевом госпитале на 3 Украинском фронте. Умерла в Риге 17 апреля 1957 года. Тетс... Тетс Татьяна Иосифовна, 1926 года рождения, Рига, школьница. Медсестра в полевом госпитале на 3 Украинском фронте. После войны библиотекарь в Риге.

Я не библиотекарь. Это неправильно.

Участники войны. Тетс Вениамин Мотусович, родился в 1905 году. До 1941 года врач.

Это папин брат.

В Лиенае погиб в Холокосте.

Он, и папа, и мама. Это папиного брата сын. Это я забыла о них говорить.

Папиного брата – которого?

Мы не говорили о нем. Они в Лиенае жили. Он, как его звали.

Вениамин.

Это сын, а отчество?

Мотусович.

Мотус. Вот этот Мотус жил в Лиенае. И он, этот Мотус, и его жена, и сын Вениамин погибли в Лиенае. В Холокосте. На этой доске, тут такая доска есть – тут все это есть.

А Мотус, его отец, тоже был врачом?

Нет. Он был кем-то другим. Не помню. Аптекарем он был, Мотус, как папа.

А тут?

Вольпе Ида, это она. Это я вам говорила о ней.

Вольпе Ида, Ите. Родилась в 1882 году в Лиенае, Дерптский уезд, в 1909 зубной врач. В Риге с 1920, погибла в Рижском гетто в ноябре-декабре 1941 года.

Вы устали?

Я не устала, просто у меня болит.

Когда вы вернулись в Латвию? Вы говорили, вы окончили войну в Австрии.

Да. В 1946 году вернулись.

А до этого вы были при армии?

Мы были в Румынии. Также с госпиталем, жили в Румынии, в Австро-Венгрии вернее, это Магьярия, Венгрия и так далее. И тоже был госпиталь.

После войны чем госпиталь занимался? Долечиванием раненых?

Да.

Были настолько тяжелые?

Да, и очень много.

Насколько тяжелые, что их транспортировать нельзя было?

И терапевтические, и хирургические, и неврологические – самые разнообразные были.

Брат тоже с вами оставался?

Да.

А как вы узнали в госпитале о победе?

О, это мы узнали в Австрии, город Самнгатар такой. И радость, и слезы были. Раненые узнали, и плакали от радости и от горя, что многие не дожили до этого. Так узнали.

Таня, у вас все эти годы, вы же попали на войну, когда еще шло отступление. И, наверное, не очень верилось в победу?

Я вам скажу, политикой мы не занимались, никто. Мы занимались...

Делом.

Направленно, медицина – помочь, перевязывать.

Смены у вас были суточные? Сколько часов вы работали?

Сутки, потом двое суток отдыхали, наверное. Я уже не помню. Я помню, когда объявили, что окончилась война, один раненый говорит: «Сестра, напиши моей маме письмо, что я остался жив». И что вы думаете? Он ночью умер. От тяжелого ранения, это было ужасно. Мы так плакали! Нечего говорить, все было...

Для того, чтобы вернуться домой, вам нужен был какой-то вызов?

Нет, ничего не нужно было.

И вот вы вернулись...

Мы вернулись. Жили у моей няни.

Ваше жилье было занято?

Не было. Няня жила в одной комнатке в другом месте, и мы все жили у нее. А потом начали свой жизненный путь.

Как?

Мама работала в поликлинике, папа к тому времени умер уже.

В каком году папа умер?

Он умер в 1944 году.

То есть, он уже с вами не вернулся?

Брат мой работал юристконсультантом на большом заводе. А я поступила в университет.

На какой факультет?

Филологический.

Обучение было на русском уже?

На русском.

Но вы хорошо владели?

Да.

Таня, вы в университете были комсомолкой?

Я в комсомол в армии поступила.

Еще в госпитале?

Да. Так как я отделение журналистики окончила. Тут и в партии была. Как все, это шло все автоматически.

То есть, для вас это было автоматически, а не по убеждениям, не по желанию?

Я не могу так сказать. Это было частично и по убеждениям.

В каком году вы поступили в университет?

В 1946.

А когда начался 1948 год, дела космополитов?

Да, было много неприятного. Но это у тех, кто работал. Вообще, был такой накал, я не могу вам точно сказать, что это было, но накал. Все боялись, что возьмет Сталин и отправит всех евреев в Биробиджан.

Это, наверное, в 1953 году было, когда началось «дело врачей».

Да.

А когда убили Михоэlsa... Кстати, после войны еврейский театр в Риге был?

Нет уже, не было.

То есть, его тогда закрыли – и все?

Да, да. Было все как в России.

Вы чувствовали нарастание антисемитизма, начиная с дел космополитов? Тогда же это был уже явный антисемитизм.

Я вам не могу этого сказать. Наверное, было, но лично я этого не чувствовала. Но я знала, что оно есть.

У вас в университете не было такого, чтобы студентов-евреев выгоняли?

Их не выгоняли, но не брали на работу в большие редакции. 100%.

А студентов не трогали, пока вы учились?

Не трогали. Вот я когда кончила университет, меня попросили придти в горком партии. И сказали, что в одном месте требуется, что требуется в радиокомитете журналист, владеющий двумя языками. Русским и латышским.

В каком году вы кончили?

В 1951. Я пришла, меня говорят – кто вы? Я такая-то и такая-то. – Кто вы по национальности? – Я говорю: еврейка. – Что вы, а я думал, что вы полька. По фамилии. Ну, вы знаете, извините, что мы вас потревожили.

Даже так?

Они хотели другого человека – и все.

Вы получили распределение?

Да, я получила распределение в промышленную газету «Вагостроитель». И там я работала с первого дня до последнего.

В Риге?

В Риге. Замечательное отношение ко мне было сотрудников. И все, кто так работали в газетах, все было хорошо. Только сверху, когда они начали дурить, тогда было плохо.

Вы же считались идеологическими работниками?

Да, да! Ну, в общем...

У вас, наверное, были дополнительные сложности по сравнению, скажем, с инженерами...

Не знаю. Путевки нам давали, как инженерам. Одновременно мы ехали и туда, и сюда, туристические путевки на отдых, одновременно.

А давления на вас не было?

Давление, по-моему, было у всех. Как на евреев?

Как на евреев, работающих журналистами.

Было. но лично, открыто не говорили. Но было, все знали – не лезь, куда не надо. Не лезь, все должны знать свое место в жизни.

Таня, когда вы вернулись и узнали о расстрелах, о том, что кроме фашистов, и латыши приложили руку, вам не было страшно это?

Было очень грустно.

А не страшно было жить среди этих же людей. Может быть, кто-то из них был причастен к расстрелам.

Нет. Не знаю, мы не общались с ними. Никакого общения, кроме как с моей няней и ее родственниками, которые к нам отлично относились. Но было, было. На бытовом уровне было – орали «жид», все, что хотите было. Было.

Таня, когда умер Сталин, как вы восприняли это?

Все плакали.

Вы тоже?

Я не плакала.

А для вас это что-то значило?

Нет. Я не плакала, у меня есть, о чем плакать. А вообще в массе все переживали. А как кто, плакал – не плакал, я не знаю.

Понимаю.

Понимаете, это было что-то новое. Все ждали, что будет дальше. Мы все привыкли к «великому отцу». Отец!

Для вас тоже?

Для меня он не был отцом.

Для вас, местных. Вы же родились и выросли без этой идеологии.

Это не имеет значения. Все давным-давно перемололись тут.

И тогда это для вас уже было данностью.

Все мы тогда были советские. Все, кто был в эвакуации, вернулись советскими.

Когда Хрущев выступил с разоблачением культа личности на XX съезде?...

Не помню. Меня больше огорчало, когда он эту выставку там разгромил. Вообще, у всех все одинаково было.

А когда в 1948 году было создано государство Израиль, для вас это какое-то значение имело?

Да, это было хорошо. Это было хорошо.

Лично для вас это что-то значило?

Ну, конечно. Мой брат праздновал это, как праздник. Он и его несколько друзей, которые еще были. Это праздник.

Вы жили вместе с мамой?

Да, с мамой, с братом. Вся семья всегда была вместе.

Брат был женат?

Да.

Если можно, несколько слов о его семье. Жене, детях.

Неужели это все вы будете показывать?

Конечно, это ведь все относится к вашей семье.

Его жена Мария Бенциановна, еврейка из Днепропетровска, Гайсинская. Она с нами была тоже в госпитале в Средней Азии. И там познакомились, и так вот просто дружили. А когда война окончилась, мы ее пригласили посмотреть Ригу. И тут они ближе сдружились. И он женился на этой Марусе. Родилась дочка Илана, моя племянница. Юрист. Которая тут работала, вышла замуж и уехала ради детей в Америку, потому что там у них перспектива больше. Вот и все. Она тоже юрист, у нас два направления: юрисдикция и медицина.

А после возвращения сюда семья уже не придерживалась еврейских традиций?

Конечно, придерживались.

Даже конечно?

Да.

Расскажите, пожалуйста!

Тоже, как раньше, устраивали седер.

Да?

Да, всегда. Эта няня, латышка, Эмма, умела все еврейские блюда делать. Она была у нас главный хозяйин. Когда мы приглашали всех своих друзей сюда, в гости, она приготавливала фаршированную рыбу, она знала, как делать холодец, она даже могла халу печь!

Субботнюю халу?

Да!

И до войны у вас дома Шабат отмечали?

Не помню. Как Шабат, наверное, нет. А может, и отмечали, не помню.

И можно было ходить в синагогу?

Можно было, конечно! Кто хотел – тот ходил.

Видите, а вы говорите, что у вас все было, как у нас. У нас...

У вас нельзя было?

Боялись люди ходить.

У нас знаете, когда боялись ходить? В советское время боялись ходить. Да. А у нас же до войны не было советского времени.

Да. А потом, после войны?

А в советское время, если тебя увидят, если ты... Ну, не знаю, меня это не касалось, но если ты работал на какой-то такой работе, и тебя кто-то увидит, и кто-то стукнет на тебя – все. Религия же была в загоне.

В загоне. И все еврейские традиции были в загоне.

Да, религия была в загоне.

У нас – даже язык был под запретом.

Всюду было, да. Особенно еврейского боялись. А мацу все любят. Мацу все любят кушать и раньше, и теперь.

А в советское время у вас маца была на Песах?

Была.

Где же ее брали в то время?

Пекли.

И можно было купить?

В синагоге покупали.

Все-таки, кто-то из вашей семьи ходил в синагогу?

Эмма. И приносила для нас, и для других – для всех приносила этот ящик с мацой. И все ее любят. У меня до сих пор подруги: «Маца есть?».

Вы замуж когда вышли?

В 1956 году.

У вас была обычная свадьба, не традиционная?

Регистрация.

И традиционной еврейской свадьбы не устраивали?

Нет.

Несколько слов о вашем муже.

Я не хотела бы сейчас о нем говорить.

Хорошо.

Он сам из Даугавпилса, еврей. Вся семья погибла в Даугавпилсе. И все.

Единственный еще вопрос – он жив сейчас?

Он приезжал сюда неоднократно. Вот теперь пару лет не приезжает. Наверное, как и все в нашем возрасте, себя неважно чувствует. Мы остались друзьями. Вот и все.

Мне этого достаточно.

Мы остались друзьями. По-современному разошлись.

Таня, когда начались массовые отъезды евреев в Израиль в 1970х, как вы относились к уезжающим и к самой идее отъезда?

Очень хорошо. Что тут говорить!

А у вас было такое, что нужно было получить характеристику, и проводили собрания, на которых человека грязью обливали?

Было такое, было.

Вы были членом партии, так что для вас, наверное, присутствие на таких собраниях было обязательным?

Нет, члены партии получали, и не в этом дело. Но просто я придерживалась того, что как семья – так и я. Все работали. Когда-то мой брат в 1935, 38-9 году, хотел ехать в Израиль, там восстанавливать это, колхозы и так далее. Но тоже тогда родители не хотели сына отпустить. Ну, вот и так застряли.

А потом уже, после войны?

Потом он уже работал, и племянница училась. И так оно получилось.

Но в общем вы не осуждали уезжающих?

О чем вы говорите! Провожали, устраивали вечера, плакали. Переписываемся.

А в те годы можно было переписываться? Сейчас-то да, а тогда?

В те годы... Наверное, нет. Я думаю, нет, опасно было.

Для вас, наверное, вдвойне, потому что вы были журналистом.

Я не была большим начальником, и это меня не касалось. Меня это не трогало.

А вы могли в те годы, советские, следить за событиями в Израиле? Эти войны, бдневная, война Судного дня?

Только по «голосу Америки». По радио.

У вас можно было слушать? Не глушили?

Конечно, можно было, да. Поздно вечером не глушили. Я как-то так не помню, но брат больше это слушал. Но я знаю, что все слушали.

Брат переживал за Израиль?

Да, ему это было очень близко.

В каком году вы ушли с работы?

Ой, я еще долго работала. Я еще потом в библиотеке работала, ко мне очень хорошо относились. Там, потом уже... Все нормально, у нас был свой круг в коллективе, так что все были членами партии. Это было как профсоюз.

Замечательное сравнение. А когда горбачевская перестройка началась, помните. Как вы к этому отнеслись?

Я видела, как он с Раисой спускался с самолета. Остальное я меньше знаю.

Ну, всякие свободы появились – свобода слова, передвижения.

Конечно, заметно было.

В Латвии это тоже заметили?

Все было как в России.

Вам казалось, что жизнь меняется к лучшему?

Да, говорили. Говорили, что все будет по-другому. Одно время как-то так в народе говорили, что Горбачеву евреи должны поставить памятник, что это все его заслуга, что евреев стали выпускать.

Вы в Израиле были когда-нибудь?

Не была. Я бы хотела поехать – там большие друзья и подруги, и родственники. Но эта спина меня мучает. Вы были? Я вам скажу, что я Израиль знаю со слов, из писем, из рассказов. Как будто сама побывала.

И последнее – как вы отнеслись к распаду Советского Союза? Вы считаете это закономерным явлением? Лучшее стало?

Один умный человек сказал – в мире это все диалектика. Это должно было случиться.

То есть, империи рушатся – это закономерность, да?

Да, безусловно.

А как лично вы отнеслись? Вам кажется, это к лучшему, к худшему?

Лично я теперь чувствую, что тогда я работала, и это все мне было как-то так тогда – ни хорошо, ни плохо. А теперь я старая, больная – мне все равно.

А то, что Латвия стала независимой?

Что мне эта независимость? Хозяин, вы видели? Вот это моя независимость!

Абсолютно хорошо не бывает? А вступление в ЕС?

Вначале у всех была эйфория, все были довольны. А теперь все стало дороже. И этим ограничилось.

И последний вопрос – еврейская община. Вы участвуете в ее жизни?

Да.

Как?

Я считаю, что еврейская община, и еврейская синагога на высшем уровне работают, хорошо.

В чем?

Синагога, когда был такой раввин Баркан.

Это его книга у вас? У меня такая же.

Да, он. Теперь его сын здесь, вы знакомы с ним?

Нет.

Очень интересный человек! Он имеет синагогу маленькую здесь на Стабу. Вы можете зайти к ним, он рядом живет. Я позвоню и скажу, что вы придете.

Сейчас неловко, наверное?

Ловко, и он вам все расскажет. Этот Баркан сплотил всех евреев в синагоге. Он, к сожалению, умер. И теперь его сын старается здесь то же самое делать. И еще одна синагога

работает. Другой раввин. ЛОЕК занимается культурой больше. Хана занимается Рахамим, благотворительным. Так что все работают. И культура там большая, в смысле и театры, и кино, и концерты, и экскурсии. Все, что хотите, все работает на высшем уровне.

И когда вам здоровье позволяет, вы участвуете в этом?

Я хожу туда.

Еврейскую прессу вы читаете?

Я не умею по-еврейски читать.

А на русском, на латышском нет?

А там есть по-русски?

Я не знаю.

Есть, да. Там еще есть такое подразделение «Алеф», культурное. Они выпускают интересное, все хорошо. Вы поговорите с Барканом.

Большое спасибо.